

ДАГОН

Я пишу в необычном душевном состоянии, потому что вечером меня не станет. Без гроша в кармане, без лекарства, которое только и может делать мое существование сносным, я не могу терпеть пытку жизнью и выпрыгну из окна на убогую улицу. Не считайте меня слабовольным или дегенеративным из-за моей зависимости от морфия. Когда вы прочитаете эти наспех написанные страницы, то, наверное, поймете, хотя вряд ли поймете до конца, почему произошло так, что я должен или забиться, или умереть.

Это случилось в одном из самых необъятных и редко посещаемых участков Тихого океана. Пакетбот, на котором я был вторым помощником капитана, стал жертвой немецкого рейдера. Война только начиналась, и морские силы гуннов еще не совсем деградировали, так что наше судно стало их законным трофеем, а мы, то есть команда, — пленниками, к которым относились со всевозможным вниманием и уважением. Наши захватчики оказались столь беззаботны, что не прошло и пяти дней, как мне удалось ускользнуть на маленькой шлюпке с достаточным запасом пищи и воды.

Когда я остался один в открытом море, то имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Навигатор из меня неважный, поэтому по солнцу и по звездам я лишь приблизительно определил свое местоположе-

ние чуть южнее экватора. О долготе я не знал ничего, и в поле моего зрения не было ни одного острова, не говоря уж о материке. Погода стояла хорошая, и не помню, сколько дней я плыл без всякой цели под обжигающим солнцем в ожидании увидеть какой-нибудь корабль или обитаемую землю. Однако ни корабля, ни земли не было, и я начал впадать в отчаяние от своего одиночества в бескрайней синеве.

Перемена наступила, пока я спал, и мне никогда не узнать, как все было, потому что мой беспокойный, тревожимый кошмарами сон оказался долгим. Когда же я наконец проснулся, то обнаружил, что тону в вязком черном болоте, которое, как исчадие ада, раскинулось, сколько хватало глаз, а моя лодка неподвижно застыла довольно далеко от меня.

Нетрудно представить, как я должен был изумиться такой чудовищной и неожиданной перемене пейзажа, но на самом деле я больше испугался, чем удивился, потому что и в воздухе, и в гнили я чувствовал нечто зловещее, отчего у меня стыла кровь в жилах. Кругом все было усеяно костями разложившихся рыб и другими менее годными для описания предметами, которые торчали из отвратительной бескрайней слякоти. Нечего и надеяться, что мне удастся словами передать неопишемую бесплодную неохватную мерзость, существовавшую в абсолютной тишине. Я ничего не слышал и ничего не видел, кроме черного липкого ила, и этот тихий однородный пейзаж подавлял меня, внушая тошнотворный страх.

Солнце ослепительно сверкало в небе, которое показалось мне почти черным в своей безоблачной жестокости, словно оно отражало чернильное болото у меня под ногами. Когда я вполз в лодку, то сообразил, что только одна теория может объяснить мое тогдашнее положение. Благодаря какому-то беспрецедентному

вулканическому извержению дно океана поднялось вверх, выставив напоказ то, что миллионы лет было скрыто в его бездонных глубинах. Причем поднялось оно основательно, так как я не слышал ни малейшего движения волн, сколько ни напрягал слух. Не было здесь и морских охотников, охочих до падали.

Несколько часов, пока солнце медленно пересекало небо, я, размышляя таким образом, провел в лодке, которая лежала на боку и давала немного тени. Понемногу грязь подсыхала и в недалеком будущем должна была стать вполне проходимой. Ночью я спал, но мало, а на другой день приготовил что-то вроде мешка для пищи и воды и стал ждать, когда можно будет начать поиски пропавшего моря и возможного спасения.

На третье утро земля совсем высохла. От рыб стояла ужасающая вонь, однако мои мысли были заняты куда более серьезными вещами, чтобы обращать на это внимание, и я смело отправился к неведомой цели. Весь день я упорно двигался на запад в направлении довольно высокого холма вдалеке, который был выше остальных в этой пустыне. Ночью я отдыхал, а утром опять шел в направлении холма, хотя он почти не приблизился со вчерашнего дня. На четвертый вечер я был у его подножия, и он оказался куда выше, чем можно было предположить изначально. От меня его отделяла долина, из-за которой он еще резче контрастировал с остальным пейзажем. Слишком усталый, чтобы лезть вверх, я заснул в его тени.

Не знаю, почему в ту ночь меня мучили жуткие сны, но вскоре над оставшейся на востоке равниной встала ущербная и на удивление выпуклая луна, и, проснувшись в холодном поту, я решил больше не спать. Посетившие меня кошмары были такие, что у меня не появилось желаний вновь их увидеть. В свете луны я понял, как неразумно поступал, путешествуя днем. Мои

переходы стоили бы мне меньшего труда в отсутствие обжигающего солнца, к тому же я вдруг ощутил в себе силы подняться на вершину, испугавшую меня на закате дня, и, подобрав мешок, двинулся в путь.

Я уже говорил, что монотонный холмистый пейзаж внушал мне непонятный ужас, однако, насколько я помню, он стал еще сильнее, когда я залез на вершину и заглянул в бездонную яму или каньон с другой стороны горы, черные глубины которого луна была не в силах одолеть. Мне показалось, что я стою на краю земли и заглядываю в непостижимый хаос вечной ночи. Забавно, но мне вспомнился «Потерянный рай» и как Сатана карабкается там по ночным кручам.

Луна поднималась все выше, и привидевшаяся мне крутизна уже меня не пугала. Там было вполне достаточно уступов, чтобы обеспечить безопасный спуск, а через пару сотен футов склон вообще стал совершенно пологим. Побуждаемый непонятными даже мне самому мотивами, я не без труда спустился со скалы и заглянул в стигийские глубины, куда не достигал свет.

Почти сразу мое внимание привлекло нечто на противоположном крутом склоне примерно в сотне футов от меня. Этот одинокий и довольно большой предмет светил белым светом в лучах восходящей луны. Я постарался уверить себя, что вижу обыкновенный, хотя и очень большой, камень, однако сразу и отчетливо осознал — и сам он, и его положение на склоне горы дело рук не одной природы. Более пристальный осмотр наполнил меня чувствами, которые я не могу описать, ибо, несмотря на исполинские размеры и пребывание в пропасти на морском дне с тех самых времен, когда мир был еще молод, камень, вне всякого сомнения, представлял собой отличной формы монолит, который познал на себе искусство и, может быть, поклонение живых и мыслящих существ.

Одновременно испуганный и взволнованный, как это бывает с учеными или археологами, я более пристально взгляделся в то, что меня окружало. Приблизившаяся к зениту луна таинственно и ярко светила над высокими кручами, которые были окружены глубокой расселиной, подтверждая тот факт, что основная масса воды находилась в глубине и, растекаясь в разных направлениях, едва не лизала мои ноги. С другой стороны расселины волны омывали подножие циклопического монолита, на поверхности которого я уже разглядел надписи и грубые скульптуры. Надписи были сделаны незнакомыми и не похожими ни на какие виденные мною в книгах иероглифами, в основном состоявшими из обыкновенных водных символов — рыб, угрей, спрутов, раков, моллюсков, китов и всего остального в том же роде. Несколько символов представляли неизвестные современному миру морские формы, которые я уже видел на поднятом со дна иле.

Резьба поразила меня красотой и необычностью. По другую сторону разделяющих нас вод я отлично видел очень большие барельефы, которые непременно вызвали бы зависть Доре. Думаю, они изображали человека, по крайней мере подобие человека, хотя эти существа резвились, как рыбы в каком-то морском гроте, или молились на монолитное святилище тоже глубоко под водой. Я не смею подробно описывать их лица и тела, потому что от одного лишь воспоминания едва не лишаюсь чувств. Придумать такое было бы не под силу даже По и Булверу. Общим обликом они чертовски походили на людей, несмотря на перепончатые руки и ноги, невероятно большие и мягкие губы, стеклоподобные выпученные глаза и другие черты, менее приятные для воспоминаний. Довольно странно, что они были изображены непропорционально своему фону и окружению, например, в одной из сцен это существо убивало кита,

который был совсем ненамного больше его. Я обратил внимание, как я уже сказал, и на их фантастичность, и на их огромность и вскоре решил, что вижу воображаемых богов одного из примитивных приморских племен, последний представитель которого сгинул задолго, за много веков до появления неандертальца. Пораженный этим неожиданным проникновением в прошлое, которое недоступно даже самому смелому антропологу, я пребывал в смятении, а луна тем временем высвечивала для меня странные изображения.

Неожиданно я увидел его. Слегка вспенив воду, оно поднялось над ее темной поверхностью прямо передо мной. Огромное, словно Полифем, отвратительное, громадное чудовище из кошмарного сна метнулось к монолиту, обвило его гигантскими чешуйчатыми руками и, опустив голову, дало волю каким-то непонятным словам. Мне показалось, что я схожу с ума.

Почти не помню, как я спускался с горы и как бежал обратно к лодке. Кажется, я много пел и смеялся, когда уже не мог петь. Смутно вспоминаю довольно сильный шторм, который начался вскоре после того, как я возвратился к лодке, по крайней мере я уверен, что слышал раскаты грома и все остальное, чем природа выражает свою ярость.

Разум вернулся ко мне в больнице в Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского корабля, заметивший посреди океана одинокую лодку. В бреду я много разговаривал, однако на мои слова почти не обращали внимания. Ни о каком извержении в Тихом океане мои спасители ничего не знали, а я не видел смысла настаивать на том, во что они все равно не смогли бы поверить. Однажды я разыскал известного этнографа и напугал его необычными вопросами о старинной легенде филистимлян, в которой рассказывается о Дагоне, божьей-рыбе, но вскоре я понял,

что он безнадежно нормальный человек, и оставил его в покое.

По ночам, особенно когда светит ущербная и выпуклая луна, он постоянно является мне. Я попробовал морфий. Наркотик подарил мне временное облегчение, зато теперь я его вечный и отчаявшийся раб.

Пришла пора покончить с этим, тем более что я написал подробный отчет о происшедшем для ознакомления или развлечения моих приятелей. Часто я спрашиваю себя, а не было ли все это чистейшей фантазмагорией — лихорадочным бредом бежавшего из немецкого плена и перегревшегося на солнце человека? Так я спрашиваю себя, и тогда ко мне приходит отвратительное видение. Без содрогания я не могу даже думать о море, так как тотчас вспоминаю безымянных существ, которые, возможно, в это время ползают и барахтаются в вязком болоте, поклоняются древним каменным идолам или вырезают свои отвратительные подобию на подводных обелисках из мокрого гранита. Я вижу в снах тот день, когда они восстанут из глубин и утащат в своих вонючих когтях остатки хилого, изможденного войной человечества. Я вижу в снах тот день, когда земля утонет, а черное дно океана и адское подземелье окажутся наверху.

Конец близок. Снаружи слышен шум, словно в дверь бьется большое и необычно скользкое существо. Ему меня не достать. Боже, *рука!*

Окно! Окно!

БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД

Приближаясь к безымянному городу, я ощущал проклятие, тяготевшее над ним. Путь вел меня через выжженную долину, полную ужасов, и в свете луны я увидел, как зловеще он вздымался над песками, словно труп, наспех присыпанный землей. Страхом сочились обветшалые, вековечные стены этого свидетеля потопа и пращура старейшей из пирамид, и незримая аура толкала меня прочь, призывая отступить от древних и гибельных тайн, которые не дозволено видеть смертным и завесу которых ни один из них не отважился приподнять.

В отдаленной части Аравийской пустыни лежит этот город без имени, рассыпаясь в прах, и молчат его стены, почти скрытые песками бесчисленных веков. Он был здесь еще до того, как заложили Мемфис, до того, как в печах обжигали кирпичи Вавилона. Нет легенды столь древней, что сохранила бы его настоящее имя, откуда узнать, кипела ли в нем жизнь, но чей-то шепот у ночного костра, бормотание старух в шатрах шейхов могли поведать, что ни одно из племен пустыни не смело приблизиться к нему, и никто не знал почему. Этот город видел во сне поэт-безумец, Абдул Альхазред, прежде чем сложил загадочные строки:

Не мертво то, что в вечности покой

Сумело обрести, со сменой эпох поправши саму смерть.

Мне следовало бы догадаться, что арабы не зря сторожатся этого места, живущего в преданиях, но не виденного никем из живущих, но я, отринув все предрассудки, пустился к цели неторной дорогой, оседлав верблюда. Лишь я один узрел его, лишь на моем лице отпечатался весь ужас, что открылся мне, и меня одного бросает в дрожь, едва ночной ветер стучится в окно. Приблизившись к нему, я ощутил его взгляд из пугающих глубин бесконечного сна, лучом луны оледенивший мое сердце в этой жаркой пустыне. Окинув его взглядом, я позабыл о всякой радости, свойственной первооткрывателю, и спешился с верблюда, решив войти в город на заре.

Тянулись часы, наконец небо на востоке посерело, поблекли звезды, и горизонт зарозовел, зазолотился. Завыл ветер, взметнув песок над древними камнями, хотя на небе не было ни облака, и бескрайние дюны были бестревожны. Внезапно над краем пустыни вознеслось слепящее солнце, видневшееся сквозь песчаную бурю, уносившуюся за горизонт, и я, дрожа, словно объятый лихорадкой, услышал мелодичный лязг металла из далеких глубин, приветствовавший огненный диск, как колоссы Мемнона с берегов Нила. В ушах звенело, и в смятении, охватившем меня, я медленно правил верблюдом сквозь пески, приближаясь к безмолвному городу, который из всех живущих видел лишь я один.

Скитаясь меж бесформенных руин, я не мог отыскать ни единого барельефа, ни одной надписи, что поведала бы мне о людях — людях ли? — что возвели эти стены и жили здесь так давно. Мне становилось не по себе от того, насколько древним было все вокруг, и я тщился обнаружить хоть какой-то признак того, что город действительно был создан силами людей. Сами пропорции зданий, черты их вселяли в меня тревогу. Я взял с собой немало инструментов и принялся за раскопки, но продвигался крайне медленно, не обнаружив ничего стоя-

щего. Когда спустилась ночь и взошла луна, я ощутил дуновение ледяного ветра, и страх погнал меня прочь из развалин. Когда я покидал пределы древних стен, песчаный вихрь забурился за моими плечами, танцуя на серых камнях, хотя пустыня вокруг была спокойной, и сияла луна.

Вереница кошмарных снов мучила меня до самого пробуждения, когда на заре я вновь услышал тот металлический звук. Я увидел, как лучи красного солнца пронизали песчаный вихрь, рассеявшийся над стенами города, заметив, что пустыня вокруг была по-прежнему спокойна. Снова я отправился к руинам, мрачно гнездившимся среди песка, словно великан-людоед в укывище, и снова мои поиски реликвий забытой расы не принесли плода. В полдень я прекратил раскопки, а затем принялся отмечать направления стен и улиц, очертания исчезнувших зданий. Некогда город этот был в самом деле велик, и я гадал о природе подобного величия. Воображение мое создавало картины времен, что изгладились даже из памяти халдеев, я вспоминал Проклятый Сарнат в земле Мнар на заре человечества, вспоминал Иб, высеченный из серого камня до прихода людей.

В своих исканиях я с радостью обнаружил место, где каменное ложе подобием скалы возносилось над песком, обещая мне доступ к тайнам допотопной расы. На возвышении этом безошибочно различал приземистые каменные дома или сооружения культа, залы которых еще могли хранить следы бесследно минувших эпох, когда все, что когда-то украшало стены снаружи, исчезло под натиском песка и ветров.

Слишком узки, почти скрыты песками были темные провалы рядом со мной, но мне удалось расчистить один из них при помощи заступа и протиснуться в него, освещая путь к ожидавшим меня тайнам при помощи факела. Оказавшись внутри, я понял, что здание, куда

я проник, было храмом, и стены его носили знаки, оставленные расой, населявшей город до того, как пустыня стала пустыней. Здесь были примитивные алтари, колонны и ниши, все необычно низкие, и хоть я не заметил ни скульптур, ни фресок, множество камней помечали символы, высеченные чьей-то рукой. Потолок был настолько низким, что я с трудом стоял на коленях, но зал был настолько большим, что свет моего факела не достигал его края. Добравшись до отдаленных уголков его, я содрогнулся: некоторые из алтарей и символов намекали на позабытые, отвратительные, необъяснимые ритуалы, и я задумывался о природе людей, создавших этот храм и проводивших их. Осмотрев все помещение, я выполз наружу, воодушевленный тем, что могли скрывать другие подобные храмы.

Близилась ночь, но увиденное пробудило во мне любопытство, пересилившее страх, и я не бежал от длинных теней, смутивших мой разум в свете луны, когда я впервые увидел безымянный город. В сумерках я расчистил другой завал, и с новым факелом пробрался внутрь, вновь увидев неясные символы на камнях, мало чем отличавшиеся от тех, что я видел в предыдущем храме. Зала была столь же низкой, но намного меньше, и заканчивалась очень узким проходом, уставленным загадочными алтарями. Я осматривал их, когда вой ветра и крик верблюда снаружи нарушили тишину, понудив разузнать, что могло испугать животное.

Ярким лунным светом были залиты руины безыскусных строений и плотное облако песка, взметнувшееся с порывистым, но уже ослабевавшим ветром над одним из холмов передо мной. Я знал, что верблюда встревожил этот холодный ветер, и хотел уже увести его в укрытие, когда заметил, что ветер над холмом вдруг совершенно стих. Это поразило и испугало меня, но я немедленно вспомнил о столь же внезапно возникавших песчаных